УДК 81'38'42

DOI 10.17516/2311-3499-026

ОБ ОТРАЖЕНИИ В ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ВОЗМОЖНОМ ИЗУЧЕНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКОЙ

В.В. ДЕМЕНТЬЕВ

Статья посвящена речежанровым изменениям и речежанровой картине современности. Осмысляются креационистские потенции речевых жанров: как жанры участвуют в создании этой картины в силу своих объективных природы и потенций. Формирование и изменения новых жанров анализируются через различные новые коммуникативные феномены: в социальной жизни, институциональной коммуникации, частной жизни, межличностных отношениях, а также в художественном словесном творчестве, жанры которого традиционно наиболее изучены, в том числе со стороны их истории.

В качестве основы методики исследования предлагаются систематизированные положения, разработанные в рамках различных направлений современной теории речевых жанров, и параметры модели, по которой могут быть описаны наиболее критические события речежанровой современности.

В центре внимания оказываются наиболее критические, с точки зрения изменений и тенденций, сферы, прежде всего, художественной коммуникации (социальная и научная фантастика).

Ключевые слова и фразы: речевые жанры; теория речевых жанров; речежанровая картина современности; художественная коммуникация.

ABOUT REFLEXING IN FUTURISTIC SCIENCE FICTION PROBLEMS OF MODERN SPEECH COMMUNICATION AND THEIR POSSIBLE STUDY BY COMMUNICATIVE LINGUISTICS

V.V. Dementyev

The article is devoted to the changes in the speech genre picture of modernity. The creationist potentialities of speech genres are understood: how genres take part in the creation of this picture because of their objective nature and potencies. Formation and changes of new genres are analyzed through various new communicative phenomena: in social life, institutional communication, private life, interpersonal relations, as well as in artistic verbal creativity, whose genres are traditionally the most studied, including from their history.

As the basis of the research methodology, the systematized notions, developed within the framework of various trends in the modern theory of speech genres, are proposed, and the parameters of the model by which the most critical events of the speech genre modernity can be described.

The focus is on the most critical areas, in terms of changes and trends, primarily of artistic communication (social and scientific fiction).

Keywords and phrases: speech genres; speech genre theory; speech genre picture of modernity; artistic communication.

Художественная литература и фильмы в целом внимательны к важнейшим тенденциям и проблемам коммуникации. Поэтому обращение к художественной литературе и фильмам для осмысления таких явлений, как, например, речевая и речежанровая картины современности (см.: [Дементьев 2015; 2016]), закономерно: позволяет понять и сами по себе ситуации, в разной

степени типичные (конечно, эту самую степень типичности для данного периода еще предстоит установить, для чего необходимо отдельное исследование), из которых могут быть извлечены «жанрово-ролевые сценки» (правомерность такого извлечения также должна быть подкреплена самостоятельным исследованием); и общую речежанровую картину современности.

В конечном счете речь идет о приметах эпохи, отраженных в литературе, – как некоммуникативных, значимых для осмысления коммуникации лишь опосредованно, так и коммуникативных, неречевых (и невербальных) и речевых (в отдельных случаях – языковых):

- 1) технологии, быт, бытовая техника, мода, одежда, автомобили, средства связи;
- 2) ключевые слова эпохи;
- 3) прецедентные тексты;
- 4) заимствования и/или неологизмы;
- 5) (опосредованно) идеология и др. ценностные ориентиры, приоритеты, представления «о хорошем и плохом», включая эстетику;
- 6) межличностные отношения, социальная иерархия, коммуникация.

В некоторых случаях в произведении есть и коммуникативная (включая непосредственно речежанровую) **рефлексия**: она, конечно, представляет собой особенно ценный материал, однако к ней надо относиться весьма осторожно, ибо такая рефлексия, как и жанрово-ролевые сценки, отражает лишь одну – с неизбежностью субъективную – точку зрения автора произведения. Поэтому информативнее может быть так наз. **непрямая рефлексия**, а именно: конфликты, например, изображенное в литературе и фильмах взаимодействие носителей разных коммуникативных компетенций (а такое взаимодействие практически всегда в той или иной степени конфликтно), где нас прежде всего интересуют коммуникативно значимые различия между ними: «олдтаймеры», «лузеры» и «продвинутые», «прошаренные», «прошитые» и т.п. (эти наименования-неологизмы, конечно, сами по себе очень интересны); столкновение старых и новых, общенациональных и специфических групповых норм, умений (и неумений), систем ценностей; возможен нравственный или идеологический вывод автора книги или фильма (например, о деградации, «расчеловечивании» или, наоборот, «бесценном новом опыте», «освобождении от предрассудков / шор» и т.п.). (См. о экстралингвистических факторах, действие которых может приводить к 1) появлению новых РЖ и 2) новых особенностей традиционных РЖ и их трансформации: [Русский язык конца XX столетия 1996; Современный русский язык 2008; Сиротинина 2013; Abrahams 1974; Gatunki mowy i ich ewolucja 2000–2007].)

Здесь много информации дают современные произведения массового жанра, оперативно отражающие изменения в жизни, например детективы, где подробно и (в меру способностей авторов) ярко переданы приметы новой реальности, прежде всего, новые социокультурные типы (особенно показательны нувориши, которые обычно и становятся объектом насилия и экспроприации в детективах, – ярчайшая примета нового «капиталистического» времени: их коммуникативная компетенция, «оригинальная» мораль, жизненные ценности, организаторские способности, лидерские качества и т.д.). В первые постперестроечные годы у писателей были особенно популярны сюжеты о межкультурной коммуникации (и конфликтах), совместных предприятиях, иностранных гостях, в т.ч. переданные «их глазами» (ср. фильмы «Особенности национальной охоты», «Особенности национальной рыбалки» и т.п.), тогда же или немного позже – о конфликтах «новых русских» и «старых невстроившихся в рынок русских – лузеров»...

В этом отношении представляют особый интерес жанры литературы, в которых эти проблемы и конфликты подаются в концентрированном, утрированном, гиперболизированном виде, – *социальная сатира и/или социальная и научная фантастика о параллельных реальностях, столкновении эпох*.

Фантастика, как известно, позволяет рассмотреть самые главные социальные, нравственные, коммуникативные проблемы реальности, что-то преувеличивая (в результате – известный литературный парадокс – проблема часто подается более наглядно и даже реально, чем в

собственно реалистичном жанре), что-то убирая. Важную роль в нравственном, психологическом и т.д. конфликте в таких фантастических произведениях играет именно коммуникативная составляющая, а именно: коммуникативная компетенция, коммуникативные запросы и коммуникативные проблемы «человека нашего времени», которые особенно ярко раскрываются на фоне фантастической реальности или в сравнении с нефантастическим «другим временем» (см.: [Широкова 2016]).

Для этого в фантастике часто используются два приема, в которых на первый план выходят коммуникативные проблемы и тенденции современности:

1) современность или недалекое будущее: новое техническое изобретение позволяет удовлетворить потребности (прежде всего коммуникативные), реально существующие у современных людей;

2) изображение двух реальных эпох с перемещением героя из одной в другую (к фантастике относится обычно только сам факт перемещения) и неизбежными попытками героя адаптироваться, оборачивающимися неудачами, отсюда – становятся яснее коммуникативные компетенции, навыки и привычки, присущие людям в каждой из эпох, и их границы.

Поэтому для начального исследования логично ограничиться двумя примерами – произведениями, в которых используются эти приемы.

В детской (для детей старшего возраста) фантастической повести **Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее»** герои-подростки – 12-летний мальчик Витя Шевченко из прошлого – 1980-го года – и 12-летняя девочка Оля Воробьева из недалекого будущего – 2018-го (книга написана в 2011 г.) – меняются местами, т.е. Витя попадает в 2018-й, Оля – в 1980-й. Подчеркивается, что Витя и Оля – самые обычные подростки для своих эпох: Витя в своем 1980-м – активный член пионерской организации, увлекается чтением, отчасти спортом, интересуется событиями в стране и мире, Оля в 2018-м – завсегдатай социальных сетей, где проводит больше времени, чем в «реале». После того как каждый из них столкнулся с большими и неразрешимыми на тот момент проблемами, оба заболевают на нервной почве и происходит «обмен временем».

Книга представляет собой увлекательную, живую и по-своему очень реалистичную картину «старой» и «новой» жизни детей: в легкой «детской», юмористической форме описывается множество деталей и проблем, с которыми пришлось столкнуться обоим и в прошлом, и в будущем, многие из которых подчеркнута коммуникативны (и «речежанровы»). Фактически перед нами экспериментальное исследование, актуальное для лингвиста-коммуникативиста и компаративного онтолингвиста.

Главной, неразрешимой проблемой советской эпохи авторы считают систему, основанную на бездушной и жестокой идеологии, официальной лжи. Ближайшего друга Вити собираются отчислить из школы и из пионеров только за то, что принес в школу пасхальный кулич. Всесилие и античеловеческий характер системы проявляются, в частности, в том, что мальчики и девочки искренне считают нормальным на пионерском собрании осуждать товарища, в душе не считая его виноватым – и при этом не считая, что, когда лгут в официальной обстановке, совершают что-то плохое.

Будущее же показано почти безоблачным, и самая большая «проблема» (изображенная несколько иронично) имеет уже чисто коммуникативный характер: в этом недалеком будущем, по логике дня нынешнего, компьютеризация продвинется еще дальше, люди, прежде всего дети, тоже станут еще более компьютеризованными и почти разучатся общаться устно, а Оле и ее одноклассникам предстоит такой кошмар, как... устный экзамен!

Перейдем к коммуникативному/речежанровому анализу.

Рассматривая различные коммуникативные ситуации, в которые попадают герои, мы можем условно разделить их на две группы:

1) ситуации, когда имеющиеся коммуникативные умения подростка оказывают ему хорошую услугу, приводят к успешной коммуникации в будущем/прошлом (когда коммуникативная компетенция подростка из того времени, вероятно, не дала бы такого эффекта), например, умение отвечать устно на уроке, какового умения, как уже говорилось, по мысли авторов книги, у «компьютеризированных» детей двадцать первого века нет:

Он стал задавать мне всякие вопросы – а я отвечал на них все бойчее и бойчее. Вопросы-то были совсем не сложные: про положительные и отрицательные числа, дроби и чуть-чуть – про уравнивания.

Про себя я радовался, что не дали самостоятельную, потому что от волнения я мог что-нибудь «напортачить», как говорит папа. А устно отвечать просто. Надо только следить за выражением лица учителя. Как только он начинает хмуриться или хочет что-то сказать, надо тут же быстро в уме найти ошибку и вслух исправиться.

Погоняв меня немного, математик покачал головой.

– Ничего себе... – Он повернулся к классу и произнес торжественно: – Вот видите! Ничего сложного тут нет! Вышел и все рассказал!

Теперь на меня смотрели не с сочувствием или злорадством, а с ненавистью. Как будто я выскочка и зубрила какой-то! Просто меня вызвали – я ответил! А что, надо было делать вид, что ничего не знаю? Впрочем, несколько девочек таращились на меня с явным восхищением. Это меня приободрило.

Или умение разжалобить начальника (учителя), к каким приемам (как считают авторы) прибегали подчиненные в советских производственных, учебных и т.д. коллективах:

– Шевченко! А твоя работа где?

Я встал и выдал спасительную фразу:

– Я болел! На прошлой неделе...

– Прошлая неделя уже прошла, – назидательно сказала русица. – А набить полторы тысячи знаков – это полчаса времени! В блогах вы по пять тысяч в день набиваете, и никакие болезни не помеха!

Я ничего не понял, поэтому счел за лучшее виновато повесить голову. Это сработало.

– Ладно, – сжалилась училка, – на следующий урок принесешь. Садись.

Навыки устной коммуникации, включая невербальную, сослужили хорошую службу мальчику из 1980-го года в двадцать первом веке не только в общении с учителями, но и со сверстниками:

И тут я вдруг сделал то, чего никак от себя не ожидал, – взял ее за руку.

– Вот что, Снежка! Никто тебя не обидит! Я обещаю!

У Сушки вдруг сделался такой вид, как будто я держу не ее руку, а протез, который случайно оказался прислонен к ее плечу. И ладонь стала холодная и деревянная. А у меня в голове шумело и булькало. Сейчас я был готов свернуть небольшую гору. Или даже большую.

– И гада этого найду, – заявил я. – Найду и накажу.

Сушка смотрела на меня с надеждой, но как-то жалобно.

Оля, попавшая в 1980-й, демонстрирует свои «умения из будущего», например, умение печатать на пишущей машинке (точнее, обращаться с раскладкой букв на клавиатуре), которого не было у среднего жителя СССР (тем более у детей), но которое есть практически у всех детей современной «интернет-цивилизации»:

И вот на очередной перемене шли мы с девочками по коридору и проходили мимо кабинета директора, а там, в приемной, дверь была открыта настежь. Я мимо проскочила, а потом резко затормозила. Заметила что-то боковым зрением, что-то очень странное, на подсознании сработало. Я вернулась к двери, осмотрела комнату... Вот! Вот за что у меня глаз зацепился! В углу комнаты, там, где в моем времени стоял компьютерный стол с техникой, здесь находился странный агрегат.

– Девочки, что это? – спросила я шепотом.

– Печатная машинка, – ответила кудрявая Оля. <...>

Девушка стучала по буквам, но так мучительно медленно, что я устала на нее смотреть и не выдержала:

– Можно я?

– Ты? А ты умеешь?

Я неопределенно пожала плечом.

– Ну попробуй, – сказала девочка. – Меня классная попросила напечатать. Это для кабинета.

Она освободила мне стул, я уселась, положила руки на клавиатуру. От ностальгии чуть не заплакала. Посмотрела на раскладку – совпадает, только знаки препинания немного по-другому расположены. Ткнула букву – ого! А нажимать-то нужно гораздо сильнее.

– Ты умеешь? – еще раз спросила девушка.

И я начала печатать.

Сначала сбивали предупредительные «звяки» в конце строчки и то, что потом каретка (это называется каретка!) переезжала с конца строчки на начало. Но все-таки это была родная клавиатура, и пусть мне приходилось лупить по ней с непривычной силой, я все равно получала огромное удовольствие. Собственно, очнувшись, я, допечатав лист.

– Ну ничего себе! – глаза у старшеклассницы были огромные.

– Где ты так печатать научилась? – выглядели у нее из-за плеча Оля с Леной.

– Да так... В одном месте... – я опять неопределенно пожала плечом.

Ее игры (такие как ролевые онлайн-игры, распространенные в XXI в.) вызывают восторг у подростков XX в.:

Мы выбежали во двор, чтоб хоть как-то энергию выплеснуть, а там как раз огромная компания собралась в «казаков-разбойников» играть. И тут на меня вдохновение нашло.

– А давайте не просто так играть, а в квест!

– Чего? – спросил Женька.

– Ну... Давайте как будто мы – эльфы, а вы – гоблины.

– Кто?

– Ну, мы – хорошие. Мы такие все нежные, ушки торчком, воздушные, а вы – вы злые и грубые. Мы будем жить вон там, на дереве, будем хорошо стрелять из луков, а вы – вы из луков не умеете, но зато у вас силища ого-го! А у нас будет кольцо власти, которое вы захотите забрать. И вы должны будете это кольцо не просто забрать, а еще и донести во-о-он до той горки во дворе. Там у нас будет жить Зло.

Все, кто стоял вокруг, аж рты пооткрывали, пока я им все это рассказывала.

– Круто! – сказал Женька. – Это ты сама придумала?

– Э-э-э... Во сне видела, – соврала я.

Мы убегаем так, что через три часа легли на траве в середине двора и уставились в небо.

– Классные тебе сны снятся! – сказал Женька.

Этого, впрочем, нельзя сказать про детские книги XXI в.: они не вызывают восторга у мальчика из прошлого:

Книжки оказались очень странные. Нигде не было иностранных шпионов или вредителей, которых задерживали бы пионеры. Большая часть вообще была написана какими-то англичанами или французами. Но были и русские фамилии. Очень много попадалось волшебников и рыцарей, которые воевали с драконами и непонятными гоблинами и орками. А помогали им уж совсем удивительные эльфы с заостренными ушами.

Немного книжек было про космос и вообще фантастики, но не очень интересные – про космические корабли или какие-нибудь технические устройства почти ничего не рассказывали.

2) когда, наоборот, такие попытки воспользоваться умениями из своего времени приводят к коммуникативной неудаче, например, попытка девочки из 2018-го приучить ровесников из 1980-го пользоваться «смайлами»:

Сначала мне в бумажной переписке очень смайлов не хватало. Я научила Женю ими пользоваться, целый урок ему на бумажке рисовала всяких веселых, сердитых и грустных, а потом Женя меня спросил:

– А зачем они?

Я и ответила:

– Чтоб настроение передать.

А Женька и говорит:

– А я и так твое настроение вижу. По глазам.

И тут мы встретились с ним глазами, и со мной что-то странное случилось. Сердце тукнуло громко-громко, а потом как будто упало в живот. И стало жарко, прям щеки запылали. Я побыстрее нагнулась к парте, и стала делать вид, что увлеченно рисую цветочек на листочке. А потом смотрю краешком глаза, а Женя тоже что-то на листике рисует, только не цветочек, а рыцаря. Так что это «что-то» случилось с нами обоими. И после этого мы разошлись по домам, стараясь не поднимать друг на друга глаз.

Впрочем, Витя из 1980-го, попав в 2018-й, очень быстро освоился в интернет/смс-общении: ставить смайлики, использовать выражения и стереотипы интернет-жаргона (как видим из примера ниже, он иногда не совсем точно понимает их значение, но и это не мешает ему успешно коммуницировать):

Мы со Снежаной-Сушкой за Ястреба радовались.

«Респект, – написала мне она сразу же после Диминого триуфа. – Ты суперский учитель!»

«Фигня вопрос, – ответил я. – Это Ястреба заслуга!»

Но все равно было очень приятно;

...Меня начала бомбардировать Сушка. Написала сначала в приват: «Скорей бы завтра!». Я ответил «Ага!» – и снова погрузился в книгу. Но комик запищал снова. На сей раз Сушка прислала эсэмэс: «Ты тоже соскучился?» – и почему-то пририсовала подмигивающий смайлик. Я опять ответил «Ага», но не успел прочитать и полстраницы, как Сушка новой эсэмэской предложила встретиться сегодня, чтобы потренироваться. Пришлось писать длинный ответ: «Поздно уже. Всех не соберем».

В ответ пришло сообщение «Дурак!» в сопровождении обиженного смайлика. Я ничего не понял, хотя трижды перечитал нашу переписку. Чем я ее обидел? Хотел даже отправить ей какую-нибудь злобную рожу, но представил себе надувшуюся Сушку...

Нет, не буду я ее обижать. Она хорошая. Только очень нервная. Я выбрал в библиотеке рисунков самую виноватую физиономию и отправил ее Сушке.

Теперь инцидент можно было считать «исперченным», как любил говорить папа, но не тут-то было. От Сушки повалили веселые рожицы и танцующие человечки, а под конец она так разошлась, что прислала мне анимированную картинку, на которой смайлик-девочка чмокала смайлика-мальчика в щеку. Прислала – и затаилась.

Я сначала обрадовался, решил, что наконец могу почитать в свое удовольствие, но вдруг забуксовал на одной странице. В голове упорно возникала последняя картинка, только вместо смайликов были мы с Сушкой.

«Интересно, – подумал я, тупо уткнувшись в книгу, – а если бы Сушка меня в реале поцеловала, как бы это было?»

От одной такой мысли меня сразу бросило в жар. Меня часто целовала мама. Бабушка, пока была жива, тоже любила меня чмокнуть в ухо. Но это все было так... как маленького. А ведь взрослые часто целуют друг друга – и совсем по-другому. Я за последнюю неделю и по телевизору этого насмотрелся, да и на улицах видел. Один раз даже в школе случайно заметил,

как старшеклассник обнимал и крепко целовал старшеклассницу. В общем, целующихся людей я видел много.

И только теперь попытался поставить себя на их место. Не смог поставить, фантазии не хватало. Но внутри все почему-то гудело и чесалось. И голова стала совсем-совсем пустой. Наверное, поэтому я решился на дурацкий поступок: послал Сушке анимированный смайлик, который, краснея, достает из-за спины букет роз и протягивает вперед.

Сушка ответила не сразу. И неоригинально: «Скорей бы завтра».

Я тоже не стал оригинальничать и ответил: «Ага».

Очень интересны сравнения более общего плана, которых в книге тоже довольно много, например, то, что прежние подростки больше читали, больше общались, больше играли в подвижные игры, а отсюда – были спортивнее и... больше знали (не из Гугла), а главное (повторяем, это подается авторами как главный конфликт книги и двигатель сюжета), лучше умели говорить, а также умели не только осуществлять (кстати, и больше дотрагивались друг до друга – см. ниже), но и прочитывать и анализировать невербальные компоненты коммуникации (ср. приведенный пример, где мальчик из 1980-го говорит девочке из 2018-го, пытающейся приучить его к «смайлам»: «Я и так твое настроение вижу. По глазам»).

При этом первые впечатления девочки из 2018-го в этом прошлом были весьма болезненны: причиной были ровесники из 1980-го, которых она охарактеризовала: «какие-то дикие»:

Но дети, дети все-таки были другими. Они все были какие-то... дикие и приставучие. Все вокруг бежали и кричали, все норовили потрогать и спросить что-нибудь дурацкое:

– Как дела?

– Ты пришла?

– На урок идем?

Я просто дурела от идиотизма вопросов. Нет, я не пришла, нет, не идем... Я совершенно не понимала, какое им вообще до меня дело? Кто им позволил трогать меня руками, дергать за волосы и хлопать по спине? Почему они так громко смеются, смотрят мне в глаза и беспрерывно что-то спрашивают? Чувствовала я себя ужасно. ... В классе творилось что-то несусветное. Вместо того чтоб сидеть и спокойно общаться, как это делают у нас все нормальные дети, мальчишки носились по кабинету, дрались книгами и гоготали. Девочки вели себя чуть получше, они просто сгрудились в кучку и шушукались, зыряя глазами в сторону мальчиков.

Девочки и мальчики были не равны (в 2018-м, особенно в Интернете, – абсолютно равны): девочки были «недоразвиты»:

Мальчишки со мной играть не будут, а девочки... Что с них взять, они в этом времени какие-то недоразвитые.

При этом невербальные (телесные) контакты, которые были распространены в XX в., внезапно оказываются очень важны для «живущих в Интернете» детей XXI в.:

– А чего вы?! – Девочка вдруг вскинула голову и стала чуть не кричать прямо мне в лицо: – Ей можно, а мне нельзя?! Ты со своей Снежаночкой все время, а я, может, тоже хочу!

Она разревелась. Все потрясенно молчали.

– Чего хочешь? – растерянно спросил я. – Мы же вместе... к экзаменам готовимся.

– К экзаменам?! – девочка растирала слезы и сопли по личику. – К экзаменам, да?! А сам за руку ее берешь! И смотришь... А я тоже... А мне почему нельзя?... Чтоб вы все тут сдохли!

Она схватила свой рюкзачок и бросилась прочь. Все тупо смотрели ей вслед и молчали.

– М-да-а-а... – наконец сказал кто-то.

Есть коммуникативные наблюдения не только над общением детей, но и представителей разных поколений. Так, обнаруживается, что в отношениях матери и дочери в 1980-м были недопустимы вольности «как у подружек»:

– Слушай, мам, – не выдержала я, – а почему ты все время в такой мрачной одежде ходишь?

– В какой мрачной? Нормальный деловой костюм.

– А почему такой темный? И юбка эта тебе не идет...

– Что значит «не идет», нормальная юбка. Ольга, что-то ты много себе позволяешь!

Я оторопела, все никак не могу привыкнуть, что тут **мама совсем не терпит, когда я с ней начинаю как с подружкой разговаривать**. Даже обидно!

– Мам, но что ты сразу обижаешься! Просто ты одеваешься, как будто ты...

Я долго не могла подобрать слово. Не скажешь же «пожилая» женщина, точно обидится...

– Как будто ты зрелая женщина!

Дурацкое слово! Но, может, не обидное?

А родители сына в 1980-м, наоборот, мало обнимали его, а в 2018-м – часто, что ему очень понравилось:

– Мама, – спросил я, когда гости уехали, – а что значит «круто»?

– Это значит, что ты у меня самый хороший суперсын!

Мама обняла меня и долго не выпускала.

Я вспомнил, что летом эксперимент закончится, и прижalsя к ней посильнее. Раньше, до эксперимента, она так редко меня обнимала! Наверное, потому, что все время была на работе.

Мне впервые в жизни захотелось, чтобы лето никогда не приходило.

Скажем несколько слов о собственно **языке**, естественно, не полностью совпадающем у детей разных эпох (включая соответствующие молодежные жаргоны): хотя данный аспект связан с целью нашего исследования лишь опосредованно, в книге ему уделяется довольно много внимания (кстати, аспект такого «лингвистического эксперимента», поставленного авторами книги, близок к нашему подходу: в центре внимания оказывается несовпадение коммуникативных компетенций, где собственно языковая компетенция – лишь часть).

Как и следовало ожидать, жаргонизмами из одной эпохи называют реалии из другой – ср. приведенный пример с пишущей машинкой: я **положила руки на клавишу**.

Обращает на себя внимание несколько языковых несообразностей, например, слово «навороченный», которое используют и мальчик из 1980-го (про мультик на компьютере), и девочка из 2018-го (про квест, считая квестом свое появление в 1980-м):

Я держался, когда увидел внутренности маминой машины. Куча всяких приборчиков, индикаторов – как в космическом корабле. Сделал вид, что все в порядке, когда мама, болтая о хорошей погоде, нажала какую-то кнопку, и передо мной появился экран маленького плоского телевизора. Невозмутимо смотрел какой-то **навороченный** мультик.

И вдруг я поняла, что случилось! Просто я попала в компьютерную игрушку, в **квест навороченный**. И что мне теперь нужно сделать? Нужно выполнить задания, пройти по уровням и в конце... В конце вернуться домой. Знать бы, что для этого нужно сделать... Хоть бы намекнул кто...

Еще (по-видимому, тоже ошибка авторов) мальчик из 1980-го в 2018-м спрашивает маму, что значит «круто» (и не спрашивает, что значит приставка «супер-» в «суперсын»), а в 1980-м ребята оценивают ролевую игру, которой их учит девочка из 2018-го, именно словом «круто»:

– Мама, – спросил я, когда гости уехали, – а что значит «круто»?

– Это значит, что ты у меня самый хороший суперсын!;

Все, кто стоял вокруг, аж рты пооткрывали, пока я им все это рассказывала.

– **Круто!** – сказал Женька. – Это ты сама придумала?

– Э-э-э... Во сне видела, – соврала я.

В чем-то авторы пощадили детскую аудиторию: не показаны, например, такие, увы, общеизвестные проблемы лингвоэкологии, как мат в (межполовом) общении детей XXI в. и пьянство взрослых (родителей детей) в XX в. (которые, надо думать, не могли бы не обратить на себя внимание детей из иных эпох). Не отражены, несомненно, важные особенности воспитания и жизни детей нового времени, такие как более углубленное изучение иностранных языков (прежде

всего, конечно, английского), включая целый ряд новых методик обучения, и занятия детей, особенно из обеспеченных «элитных» семей (а семья Вити в XXI в. именно такая), в многочисленных секциях, с репетиторами, отличие их обучения от обучения детей в общеобразовательных школах...

Второе произведение современной научной фантастики, на котором, по нашему мнению, удобно рассматривать изменения (в том числе те, которых еще не было, но которые прогнозируемы исходя из потребностей и тенденций дня сегодняшнего, выявить и лучше понять которые и помогает научная фантастика) речевых и коммуникативных жанров, – цикл **Сергея Лукьяненко «Глубина»**, который составляют три произведения: романы «Лабиринт отражений» (написан в 1996–1997 гг.), «Фальшивые зеркала» (1998) и повесть «Прозрачные витражи» (1999).

В цикле Лукьяненко в Интернете появляется новая реальность – «глубина», в которой люди могут жить. В отличие от настоящего сегодняшнего Интернета, «глубина» не виртуальна, а субъективно реальна: специальная программа «*deer*» вводит человека в состояние гипноза, в результате происходящее на экране компьютера воспринимается им как полная реальность (включая боль, ранения и даже сытость от пищи и опьянение от алкоголя, «съеденных и выпитых» в «глубине»), недостающие детали которой автоматически «додумываются» подсознанием: авторы сайтов создают только самые общие очертания, эскизы как обстановки (здания, мебель, машины), так и внешности людей.

Совершая любую операцию в Интернете, человек, находящийся в «глубине», воспринимает всё как ситуации реальной жизни, главным образом – общение с различными официальными и неофициальными представителями компаний, фирм, работодателей и т.д. Например, кража файлов у компании – разработчика софт-оборудования – представляется как сказочная погоня, где главный герой – Иван-царевич, его помощник (это человек) – Серый волк, представитель фирмы-противника (программа) – злобный Ифрит, программы-вирусы, драйвера и т.д. для взлома сайтов противника – волшебные аксессуары: гребень, мыло, зеркальце.

Таким образом, перед нами фантастическая реальность, в которой, с одной стороны, «возможно всё», но с другой – используется довольно ограниченное количество возможностей, поскольку ее «творят» реальные люди – наши современники, носители «обыкновенных» умений, привычек и потребностей. В этом отношении очень интересны, с точки зрения нашего исследования, именно те новые формы коммуникации (и связанные с ними преимущества и проблемы), которые возникают в этой фантастической «глубине», творимой обычными людьми.

Вот как происходит сексуальное общение, какого, подчеркивает автор, очень много в «глубине», а точнее – попытка такого общения, ставшая неудачной из-за накладываемого на официальные роли наемных работников ограничения:

– Сударь!

Девушка спускается по ступенькам с веранды. Изгибо покачивает бедрами, улыбается. На ней самый минимум одежды, внешность моделирована в стиле «манга» – слишком большие глаза, пропорции фигуры от девочки-подростка.

– Сударь, вы грузчик?

– Да, сударыня, – мрачно говорю я.

– Вы приехали носить рояль?

«Носить»... Умница.

– Да.

– Знаете, а его не привезли... – никакой печали в ее голосе нет. – Говорят, много заказов. Вы сможете приехать завтра?

– Подавайте заявку, сударыня. Кто-нибудь да придет. Но я...

– Извините, извините пожалуйста! – Девочка – само очарование. – Мне так неудобно! Это все муж, он вечно занят, это его вина... Но он попросил заплатить вам за беспокойство!

Молча подаю заявку.

Девушка не глядя подписывается, оплачивая полную стоимость погрузочно-разгрузочных работ. Думает, морща лобик. Потом достает из кармана банкноту.

– Спасибо, – опускаю деньги в карман для чаевых, заботливо предусмотренный на спецовке. Через миг денег там уже нет. Половина ушла на счет компании, половина – на мой. Как и положено в серьезной фирме средней руки.

– Может быть, выпьете кофе? – взгляд ее в меру интригующий, в меру скромный.

Смотрю на часы. Вздыхаю:

– Не знаю... так много заказов на сегодня...

– Знаете, а мне надо еще передвинуть в спальне трельяж! – вспоминает девушка. – Вы не поможете? Мы бы сразу оформили новый заказ.

Все с ней ясно.

Неопытная искательница приключений. А муж, вероятно, умный человек.

Как и я.

– Ваше желание – наше исполнение, – позволяю себе капельку двусмысленности.

Передвинуть трельяж занимает не больше времени, чем заполнить бланк заказа. Потом мы пьем кофе с ликером. Я улыбаюсь, меня крайне занимает развязка. Куколка хлопает большими глазами, потихоньку придвигается ближе. Наконец, она оказывается на моих коленях, мы долго и с удовольствием целуемся. Я бдительно слежу за продвижением ее шаловливой ручки.

– А... а? – произносит девушка. Голос уже подрагивает, но к возбуждению примешивается недоумение. Глаза все более и более округляются, посрамляя даже стандарты японских комиксов. Увы, хентая не будет...

– Сударыня, я ведь служащий серьезной фирмы, – объясняю я. – Это тело – только для физической работы. Для развлечений оно не приспособлено. Неужели вы не знали?

– Гад!

Впору смеяться, но я сижу с каменным лицом. Поднимаюсь с диванчика, одновременно ссаживая с колен хозяйку и застегивая спецовку.

– Сударыня, если что-то в моем поведении не удовлетворило вас, вы можете обратиться к руководству с официальными предложениями. Я тоже думаю, что небольшая доработка не помешает...

– Пошел вон, быдло!

Мне не обидно. Мне смешно. А выйдя из дома и оседлав мотороллер, я даже могу позволить себе расхохотаться.

Эта функция организма «дружелюбному рабочему» разрешена.

Но я не смеюсь.

Много внимания уделяется **национальной** обусловленности общения, в частности гедонистического: Диптаун – столица «глубины» – разделен на три сектора: западный, азиатский, русский; герой, как и следовало ожидать, любит проводить время в русском секторе, где существуют специальные «конференц-кварталы, где можно просто поговорить» в различных жанрах фатического общения:

Потихоньку сворачиваю с центральных улиц, подхожу к русским конференц-кварталам.

Это одно из самых интересных мест в виртуальности, на мой взгляд. Место, где можно просто поговорить.

О чем угодно.

Длинные ряды зданий, каждое в своем стиле, между ними – скверики и площади, заполненные народом или пустые. Разглядываю затейливые таблички. Часть понятна сразу, некоторые нарочито туманны.

“Анекдоты”.

“Разговоры ни о чем”.

“Сексуальные приключения”.

“Странное место”.

“Овес растет!”

“Книги”.

“Боевые искусства”.

Сюда приходят пообщаться на конкретные темы. Это – отголоски довиртуальной эпохи. Дальше пойдут более солидные клубы, где можно получить консультацию по техническим вопросам, поспорить о программном обеспечении или даже купить по дешевке ворованные программы. Но мне это малоинтересно.

Например, вот как «выглядит» там такой жанр фатического общения, как рассказывание анекдотов (и нарушающая установленные для этого типа общения правила реклама):

Сворачиваю в скверик, над воротами которого табличка “Анекдоты”. Здесь всегда многолюдно, шумно и бестолково. Скверик похож на парк культуры шестидесятых годов. В уголке тихо играет маленький оркестрик – явно ненастоящий, на скамеечках сидят, пьют пиво, болтают между собой люди. Присаживаюсь в сторонке.

На маленькую деревянную эстраду поднимается парень в джинсах и белоснежной рубашке. Парень совершенно безликий. На него лениво поглядывают.

– Штирлиц вышел из дома... – начинает парень.

Девчонка рядом со мной свистит и запускает в парня пивной бутылкой. Я ее вполне понимаю. Девяносто процентов анекдотов, которые здесь рассказывают, – старье. Это клуб, который обожают новички в виртуальности... не понимающие еще, что ничто не ново под луной. Стоит побыть здесь полчаса, чтобы поверить: Каин убил Авеля именно за то, что тот любил рассказывать бородатые анекдоты.

Паренек под свист и выкрики все-таки рассказывает анекдот и, затравленно озираясь, сбегает с трибуны. Кто-то ему одиноко аплодирует. Надо же...

На трибуну поднимается еще один парень. Гораздо более индивидуальный, почему-то напоминающий прибалтийца. У него плутоватое выражение, и я настораживаюсь. Парень косится на маленькую будочку в углу сцены.

– Господа! – выкрикивает он. Действительно прибалт, если это не мое подсознание домыслило акцент. – Фирма «Литокомп» имеет честь предложить по самым низким ценам...

Ага. Все понятно.

Я тоже смотрю на будочку – укрытие модератора. В каждом клубе есть человек, наблюдающий за порядком и за соответствием разговоров разрешенной теме. Вопрос лишь в том, на месте модератор или отреагирует позднее...

На месте.

Дверца будочки открывается, и оттуда лениво выходит кряжистый мужик с огромным, жутковато выглядящим устройством в руках. Прибалт замечает его и начинает тараторить:

– ...Винчестеры “Квантум лайтинг”, “Вестерн дигитал”...

– Офтопик! – лениво, но с глухой злобой говорит модератор и скидывает оружие. Присутствующие затихают, наслаждаясь зрелищем.

Ствол дергается, и в сторону торговца со свистом летит алый светящийся крестообразный предмет. Прибалт пытается пригнуться, но это бесполезно. Модераторы не промахиваются. На рубашке торговца расплывается огненный крест, или, как принято говорить, «плюс». Три таких плюса – и вход в клуб «Анекдоты» будет для него закрыт навсегда.

Толпа одобрительно хохочет...

При этом большинство целей, которые преследуют пришедшие в «глубину», коммуникативные: кто-то заключает сделки, кто-то ищет информацию, кто-то совершенствует образование, кто-то нанимается на работу (за реальную зарплату: например, как уже было сказано, в начале второй книги главный герой работает в «глубине»... грузчиком: «доставляет» тяжелые покупки, такие как рояль, пианино...). Но абсолютное большинство людей

в «глубине» ищут развлечений, для них главное – общение (гедонистическое, сексуальное, агрессивное, садистское и т.д.). Не менее показательны то, что в этой фантастической «глубине» у людей фактически не появляется по-настоящему новых потребностей – реализуются «старые», которые по тем или иным причинам не могли быть реализованы в реальной жизни из-за чисто технических или же традиционных социальных ограничений (таких как ограничения, накладываемые в социуме на агрессивное или открыто сексуальное поведение). При этом «то, что получают» в «глубине», лишь в минимальной степени проистекает из собственно технических возможностей (в принципе неограниченных): так, например, показательны, что в «глубине» никто не пробует летать (по крайней мере, на этом не фиксируется внимание), смена пола хотя и возможна (на это прямо указывается один раз), но ей тоже практически не уделяется внимания в книге. Очень мало интересует автора и «превращение» людей в животных (хотя, как уже говорилось, один из героев выступает в роли сказочного Серого волка).

Зато автора интересует, например, такая (чисто лингвистическая) проблема, как преодоление языкового барьера при общении находящихся в «глубине» иностранцев: подчеркивается, что компьютерные программы-переводчики не идеальные, а такие же несовершенные, как в действительности (цикл Лукьяненко, повторяем, был написан в 1996–1999 гг., когда компьютерные программы-переводчики были далеко не идеальны; впрочем, они и сейчас далеко не идеальны). «Глубина» же создает не только иллюзию реальности материальной, но и иллюзию совершенного перевода на уровне родного языка – это показано на примере, когда герой выходит из «глубины» и слушает ту же самую речь без «додумывания деталей» под гипнозом:

– Согласно легенде игры, – бормочет Крейзи, – многие тысячи лет инопланетяне воруют на Земле детей, чтобы вырастить из одного из них своего Императора... дать ему исполинскую силу и жестокую мощь... ведь люди – самые совершенные и смертоносные существа во Вселенной... Это глубоко философская и символическая мысль...

Глубина-глубина, я не твой... (при помощи этой команды герой выходит из «глубины». – В.Д.)

– Цель игры – не простое убийство лидера врагов. Игрок должен понять, который в каждом враге это он уничтожает самостоятельно непосредственно отца, брата, сына, друга. Таким образом, «Лабиринт» не пропагандирует насилие и ксенофобию, напротив, относительно противоположного...

Сложно все-таки слушать иностранца через программу-переводчик.

Одна из главных мыслей, развиваемых в цикле, – люди, их запросы и мораль не меняются с обретением новых технических возможностей. Хотя, с одной стороны, желают (и получают) много «высокого»: любви, красоты, согласия, взаимопонимания, роскоши, с другой – главные виды желаемого общения, как и следовало ожидать, «некрасивые», «низкие»: сексуальные, конфликтные/агональные (безопасные для игрока!): игры-единоборства с самыми агрессивными массовыми убийствами («Лабиринт смерти») и «общение» в виртуальном публичном доме, где проститутки – настоящие люди, а многие клиенты имеют садистские наклонности (причем главный садизм – коммуникативный):

– Леня... Кепочка всегда берет красный альбом. Это особая группа, в которой разрешено все. Не просто цепи, плети и мелкие радости садистов, а любые зверства. Убийства, расчленение тела... можно не продолжать?

– Сделай милость.

– Так вот, Кепочка этим не занимается. Он приходит к нам общаться... разговаривать.

– И этим достал всех сотрудниц?

– Леня, когда солидный дяденька заказывает красный альбом, приводит девушку в подполье, и с криком «Я – вампир!» кусает ее в горло, это противно, гнусно, но понятно. Это просто болезнь. Когда ничем не примечательный юноша садится перед девчонкой и начинает говорить с ней по душам... когда он тратит деньги на то, чтобы за час-другой доказать ей, что она сволочь и грязная тварь, недостойная жить на Земле... Это страшнее, поверь.

– Почему? – неожиданно вступает в разговор Неудачник.

– Потому что это проклятье. Право судить и право властвовать. Право на истину. Легко разобратся с дураком или зверем. Гораздо труднее с тем, кто считает себя сверхчеловеком.

Умным, чистым и непорочным. Генералы, борющиеся за мир, правители, громящие коррупцию, извращенцы, осуждающие порнографию, – господи, мало ли их мы видели? Может, проклятие такое висит над людьми? Когда обещают порядок, жди хаоса, когда защищают жизнь, приходит смерть, когда защищают мораль – люди превращаются в зверей. Стоит только сказать – я выше, я чище, я лучше, и приходит расплата. Только те, кто не обещают чудес и не становятся на пьедестал, приносят в мир добро.

Как и в первом рассмотренном произведении, нам были интересны не столько главные двигатели сюжета (в первом романе цикла – приход в «глубину» инопланетного разума, во втором – появление в «глубине» оружия, способного убивать в реальности), сколько коммуникация (тем более что многие герои Лукьяненко сами любят размышлять о феномене «глубины»), например, задушевное алкогольное общение «новых русских» и обычных молодых людей, суррогаты семьи – «супруги» живут вместе только в «глубине», при этом подчеркивается, что они очень много внимания уделяют деталям совместного быта, общение девочек в борделе, наконец, дети в «глубине» и их представления о желаемом и возможном: они (только они) могут (и хотят, подчеркивая свою «взрослость») пить много алкоголя (организм не может «додумать» опьянения, поскольку не знает, что это такое), наконец, только они могут «становиться» зверями, поскольку их психика «гибче, чем у взрослых».

Все это, конечно, не может не наводить на размышления прогностического характера о вероятных путях развития нашей коммуникации в будущем, отмене и преодолении в ней того, что нам мешает.

Содержащийся в настоящей статье анализ аутентичного языкового и речевого материала (в сущности, лишь две фантастические книги) имеет очевидно начальный и иллюстративный характер. Главную ценность статьи мы видим в:

1) постановке проблемы и формулировании наиболее принципиальных вопросов, таких как речевые изменения и речевая картина современности, креационистские потенции речевых жанров: как жанры в силу своих объективных природы и потенций участвуют в создании этой картины;

2) обсуждении комплексной (речевая и лингвистическая, лингворечевая) методики: анализ формирования и изменения новых жанров осуществляется через различные новые коммуникативные феномены (одни из них заимствуются, другие развиваются и складываются на оригинальной национально-культурной почве): в социальной жизни, институциональной коммуникации, частной жизни, межличностных отношениях, а также в художественном словесном творчестве, жанры которого традиционно наиболее изучены, в том числе со стороны их истории (см., например: [Аверинцев 1986; Шеффер 2010]). Здесь самых больших результатов ожидаем от проработки аспекта речевых жанров вторичности применительно к новым речевым феноменам.

Литература

Аверинцев С.С. Историческая подвижность категорий жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104–116.

Дементьев В.В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.

Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 116 с.

Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.

Широкова Е.Н. Моделирование языковой ситуации будущего в дистопии Т. Толстой «Кысь»: авторские стратегии и тактики [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. 178–187. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Shirokova-E.N..pdf> (дата обращения: 18.06.2018)

Abrahams R.D. Black Talking on the Streets. Explorations in the Ethnography of Speaking. Chapter IV: Speech Acts, Events, and Situations. N.Y.: Cambridge University Press, 1974, pp. 240–262.

Gatunki mowy i ich ewolucja. Pod red. Danuty Ostaszewskiej. T. 1. Mowy piękno wielorakie. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2. Tekst a gatunek. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3. Tekst a odmiany funkcjonalne. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2007.

References

Averintsev S.S. Istoricheskaya podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii [Historical mobility of categories of the genre: the experience of periodization]. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics. Results and prospects of the study], Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116.

Dementiev V.V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyye protsessy sovremennoy rechi [«Speech genre» theory and actual processes in contemporary speaking]. *Voprosy Yazykoznaniya*, 2015, no 6, pp. 78–107.

Dementiev V.V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta Publ., 2016. 396 p

Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [Russian language of the late XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 480 p.

Schaeffer Jean-Marie. Chto takoye literaturnyy zhanr? [What is the literary genre?]. Moscow, Yeditorial URSS Publ., 2010. 192 p.

Shirokova E.N. Modelirovaniye yazykovoy situatsii budushchego v distopii T. Tolstoy «Kys'»: avtorskiye strategii i taktiki [Linguistic modelling of the future in the dystopia “The slynx” by T. Tolstaya: the author’s strategies and tactics]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2016, no 2, pp. 178–187. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Shirokova-E.N..pdf> (accessed 18.06.2018).

Sirotinina O.B. Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski [Russian language: system, language usage and the risks they create]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 2013. 116 p.

Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov [Modern Russian language: Active processes at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 712 p.

Abrahams R.D. Black Talking on the Streets. *Explorations in the Ethnography of Speaking*. Chapter IV: Speech Acts, Events, and Situations. N.Y.: Cambridge University Press, 1974, pp. 240–262.

Gatunki mowy i ich ewolucja. Pod red. Danuty Ostaszewskiej. T. 1. Mowy piękno wielorakie. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2. Tekst a gatunek. Katowice, Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3. Tekst a odmiany funkcjonalne. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

Россия, Саратов, 410012 ул. Астраханская, 83

E-mail: dementevvv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012 Russia

E-mail: dementevvv@yandex.ru